

СЛУЖБА ДОСТАВКИ КНИГ

Карстен Себастиан Хенн

перевод Марии Мисник

роман

МИО

Глава 1

Сам по себе

Говорят, книги сами находят своих читателей, но иногда им нужен кто-то, кто укажет путь. Так было и в этот августовский день в книжной лавке, носившей название «У городских ворот». Правда, городские ворота, или, вернее, их остатки, которые большинство горожан считали дерзким произведением искусства, находились в добрых трех кварталах отсюда.

Книжный магазин был старый, он достраивался и рос в течение нескольких эпох. Кладка с вензелями и гипсовой лепниной соседствовала с безыскусными прямыми углами. Единство старого и нового, игривого и сдержанного, определяло не только облик здания, но и все его наполнение.

Красные пластиковые подставки с DVD и компакт-дисками стояли рядом с матовыми металлическими стеллажами с мангой, а они, в свою

очередь, соседствовали с полированными стеклянными витринами, где стояли глобусы, и изысканными деревянными книжными полками.

В комнате, похожей на лабиринт, царствовал массивный темный прилавок, который сотрудники называли не иначе как алтарем. Выглядел он так, будто был родом из эпохи барокко. Спереди прилавок украшала резная картинка из сельской жизни, на которой охотничий отряд на роскошных конях в сопровождении гончих гнался за дикими кабанами.

Только что в книжном магазине прозвучал вопрос, ради которого книжные магазины и существуют: «Не могли бы вы посоветовать мне хорошую книгу?»

Урсула Шефер, которая задала этот вопрос, отлично знала, что делает книгу хорошей. Во-первых, хорошая книга настолько увлекательна, что она читала бы ее в постели до тех пор, пока глаза не закроются сами.

Во-вторых, такая книга заставит ее плакать по меньшей мере в трех, а то и в четырех местах. В-третьих, в ней не меньше трехсот страниц, но обязательно не больше трехсот восьмидесяти. В-четвертых, никаких зеленых обложек. Книгам в зеленых обложках доверять нельзя, этому ее научил горький опыт.

— С удовольствием, — ответила Сабина Грубер, которая вот уже три года управляла книжным

магазином у городских ворот. — Что вы любите читать?

Урсула Шефер отвечать не хотела — она хотела, чтобы Сабина Грубер сама знала ответ, ведь она работает в книжном магазине, а значит, от природы должна обладать даром ясновидения.

— Назовите всего три слова, и я поищу то, что вам подойдет. Любовь? Южная Англия? Увлекательное чтиво? Да?

— Может быть, господин Кольхофф здесь? — спросила Урсула Шефер слегка обеспокоенно. «Он всегда знает, что мне понравится. Он всегда знает, что понравится всем».

— Нет, к сожалению, его сегодня нет. Господин Кольхофф работает у нас только время от времени.

— Как жаль...

— Так вот, у меня тут как раз есть кое-что для вас. Это семейный роман, действие происходит в Корнуолле. Вот, посмотрите, на обложке — очаровательный особняк большого семейства и прилегающий к нему роскошный парк.

— Это же зеленый, — сказала Урсула Шефер и укоризненно посмотрела на Сабину Грубер. — Насыщенный зеленый!

— Да, ведь речь идет о замечательном парке графа Дарнборо. И отзывы исключительно положительные!

Тяжелая входная дверь открылась, и маленький медный колокольчик отозвался тонким звоном.

Карл Кольхофф сложил свой зонт, привычным жестом отряхнул его и поместил на подставку.

Его взгляд скользил по книжной лавке, которую он считал родным домом. Он искал недавно прибывшие книги, которые должны были отправиться к его покупателям, и чувствовал себя коллекционером ракушек на берегу. В первые же секунды он заметил несколько находок, которые так и ждали, чтобы их подняли и забрали, освободили от зернистого песка. Но как только он увидел Урсулу Шефер, они сразу же стали совершенно неважны.

Ее улыбка согрела его. Она улыбалась ему так, будто он был смесью всех тех прекрасных мужчин, в которых она влюблялась, читая книги, рекомендованные Карлом все эти годы. При этом он не подходил ни на одного из них.

Раньше у Карла был небольшой живот, но с годами он исчез так же, как исчезли волосы на его голове. Так, будто они договорились вместе покинуть его навсегда. Теперь, в семьдесят два года, он стал совсем худой, но все еще носил старые вещи, которые были ему велики. Его бывший начальник говорил, это оттого, что теперь он потребляет только слова из своих книжек, а углеводов в них мало. «Зато много смысла», — всегда отвечал Карл.

Он всегда носил приземистые тяжелые туфли из такой толстой черной кожи и с такими прочными подошвами, что хватило бы на целую человеческую жизнь. Пара хороших носков — они тоже

важны. А поверх — оливково-зеленый комбинезон и того же цвета куртка с воротником.

Он всегда надевал шляпу — рыбацкую кепочку с небольшим козырьком, чтобы защитить глаза от дождя и ярких солнечных лучей. Даже в помещении он ее не снимал, разве что на ночь. Без нее он чувствовал себя попросту раздетым.

Нельзя было встретить его и без очков, оправу для которых он купил пару десятилетий назад в антикварном магазине. За ними прятались задумчивые глаза Карла, которые всегда выглядели так, будто он слишком долго читал в потемках.

— Госпожа Шефер, как приятно вас видеть, — сказал Карл и направился к Урсуле Шефер, которая, в свою очередь, шагнула в его сторону, отдаваясь тем самым от Сабины Грубер. — Могу я предложить вам книгу, которая будет прекрасно смотреться на вашей прикроватной тумбочке?

— Прощая мне ужасно понравилась! Особенно когда они в конце посмотрели друг другу в глаза. Поцелуй был бы еще прекраснее, чтобы закрепить этот финал. Но, пожалуй, я довольна и взглядом.

— Он даже напряженнее, чем поцелуй. Знаете, бывают же такие взгляды.

— Но не когда целую я! — сказала Урсула Шефер. В этот момент она казалась удивительно дерзкой, что с ней случалось редко.

— Эта книга, — Карл подхватил одну из стопки рядом с кассовым аппаратом, — ждала вас с тех

пор, как ее распаковали. В ней действие происходит в Провансе и каждое слово прямо пахнет лавандой.

— Бордово-красные книги — самые лучшие! А она заканчивается поцелуем?

— Разве же я когда-нибудь рассказываю такое?

— Нет! — она взглянула на него упрямо, но книгу из рук выхватила.

Конечно, Карл ни за что бы не посоветовал ей роман без счастливого финала. Но ему не хотелось лишать Урсулу Шефер этой волнительной интриги: а вдруг в этот раз все будет не так?

— Я так рада, что существуют книги! — сказала она. — Ах, как же я надеюсь, что всегда будет так! Жизнь так сильно и так быстро меняется. Теперь все платят только пластиком, и когда я на кассе начинаю искать мелочь, на меня смотрят так странно!

— Письменное слово будет всегда, госпожа Шефер. Поскольку есть вещи, которые никоим образом не могут быть выражены точнее. А книгопечатание — лучший способ сохранять истории и идеи. Так они могут жить веками.

Карл Кольхофф попрощался с Урсулой теплой улыбкой. Через дверь, оклеенную рекламными плакатами, он вошел в комнату, служившую одновременно офисом и складом книжного магазина. Письменный стол был уставлен стопками книг, угол старого компьютерного монитора заклеен

желтыми записками, а большой годовой календарь на стене пестрел красными пометками.

Его книги, как и всегда, лежали в черной пластиковой коробке в самом темном углу комнаты. Когда-то ее место было на столе, но с тех пор, как Сабина взяла на себя управление книжным магазином отца, коробка каждый день отодвигалась все дальше в укромный уголок. Вместе с тем она теряла все больше и больше своего содержимого. Людей, которым он должен был передать книги, осталось немного. И с каждым годом их становилось все меньше.

— Приветствую, господин Кольхофф! Скажите, что вы думаете о игре? Там так и не было пенальти! И этот судья! Он меня все еще бесит.

Леон, новый стажер, вышел из небольшого служебного туалета, а с ним — сигаретный дым. Все остальные знали бы наверняка, что задавать подобный вопрос Карлу совершенно бессмысленно. Он не смотрел никакие новости, не слушал радио и не читал газет. Он был, как сам иногда говорил про себя, немного оторван от этого мира.

Карл принял такое решение сознательно. Все эти заявления недобросовестных правителей, таяние полярных льдов и страдания беженцев делали его печальнее, чем любая семейная трагедия из романов. Это был способ защитить себя — пусть даже с тех пор его мир стал меньше. Этот мир — его «круг» — насчитывал всего-то пару квадратных

километров, и каждый день его границы сокращались.

— А знаете ли вы замечательную футбольную книгу Джей Эл Карра? — спросил Карл, вместо того чтобы встать на сторону стажера в арбитражном вопросе.

— Там про наш футбольный клуб?

— Нет, про «Стипл Синдерби Уондерерс».

— Не слышал про такой. Ну да ладно, все равно я не читаю книги. Только когда нужно. В школе то есть. И то я бы предпочел смотреть фильмы по ним, да и все.

Он усмехнулся, будто бы вместо себя обманывал своих учителей.

— Тогда почему же ты проходишь стажировку здесь?

— Моя сестра тоже так сделала, три года назад. Мы живем тут рядом, совсем близко, и ходить далеко не надо, — он не стал говорить, что все те, кто не находил себе место для практики, вынуждены были помогать дворнику целых две недели. И дворник использовал это время, чтобы сполна отплатить практикантам от имени всего школьного управления унижительной работой — за все изрисованные стены, прилепленные к партам жвачки и бутербродные крошки.

— И что же твоя сестра, она читает книги?

— После того как побывала здесь, ага. Но со мной-то такого не случится!

Карл улыбнулся. Он знал, почему сестра Леона начала читать. Его бывший начальник Густав Грубер, который теперь жил в доме престарелых «Мюнстерблик», знал наверняка, как стоит вести себя с такими «нечитающими» особами вроде Леона и его сестры. Он поручал им протирать поздравительные открытки, упакованные в пластик. Практикантам быстро становилось скучно, и, отчаявшись, они брались за книги, которые он предусмотрительно оставлял неподалеку. Густав Грубер всех их заставлял изменить свое мнение. Он и с детьми отлично ладил, в отличие от Карла, который считал их инородными, странными существами. Так было, даже когда сам он был ребенком. И чем дальше уходило детство, тем более непонятными и чуждыми казались ему дети.

Сестру Леона старик Грубер заманил романом, в котором юная девушка влюбляется в вампира. Леону, в котором, по-видимому, бушевало половое созревание, он подложил бы книжку с симпатичной девочкой-подростком на обложке и не слишком большим количеством слов внутри.

Грубер всегда говорил: «Не важно, *что* вы читаете. Важно, что вы *читаете*». Карл не считал, что так можно сказать про все, что печатается. Все же под обложками иногда прячутся мысли, подобные яду. Впрочем, лекарство на страницах бывает чаще. Даже для того, о чем мы и не подозреваем, иногда нужно лекарство.

Карл осторожно вытащил черную пластиковую коробку из угла. Сегодня в ней лежало всего три книги, на самом дне. Затем он отыскал коричневую упаковочную бумагу и шнур, чтобы каждую книгу упаковать отдельно, как подарок.

Сабина Грубер твердила ему, что стоит отказаться от этой привычки и не тратить лишние деньги, но Карл настаивал. Ведь именно это нужно его покупателям. Сам того не замечая, он погладил каждую из книг, перед тем как завернуть их в плотную бумагу.

Наконец он взял свой оливково-зеленый армейский рюкзак, давно уже не новый, но все еще в отличном состоянии благодаря любви и аккуратности Карла. Пока рюкзак был еще пуст, но по его складкам было заметно, что это не самое привычное для него состояние. Карл с осторожностью опустил книги в грубую ткань рюкзака, дно которого он устелил мягким шерстяным одеялом. Так, будто это были вовсе не книги, а щенки, которых он нес отнести новым хозяевам. Он сложил книги в рюкзаке так, чтобы самая большая потом оказалась у спины, а самая маленькая — подальше, где ее не помнут изгибы рюкзака.

Уже выходя, он ненадолго задумался, а потом повернулся к Леону.

— Протри, пожалуйста, поздравительные открытки. Госпожа Грубер будет довольна. Лучше

принеси их сюда, чтобы тебя никто не беспокоил. Я всегда делаю это за столом.

Он быстро положил на стол «Футбольную горячку» Ника Хорнби, которую только что приметил на полке. Футбольное поле на обложке заманчиво зеленело — наверное, Урсула Шефер никогда не посмотрела бы в сторону этой книги.

* * *

То, что Карл считал своим кругом, скорее напоминало многоугольник: он шел через центр города, по маршруту без прямых углов, без всякой симметрии. Граница его мира пролегла там, где обломки городских стен становились похожи на остатки старческих зубов. Он не пересекал ее вот уже тридцать четыре года, потому что все, что было ему нужно, находилось в ее пределах.

Карл Кольхофф много ходил пешком и так же много размышлял. Иногда ему казалось, что думать как следует он может, только когда ходит. Как будто шаги по булыжной мостовой приводили его мысли в движение.

Когда идешь по городу, то не замечаешь то, что видно каждому голубю и каждому воробью: город был круглым. Все старые домики и переулки стремились к собору, возвышающемуся в самом центре. Будь город макетом железнодорожных линий, можно было бы предложить, что собор по ошибке сделали не в том масштабе. Он строился в тот

недолгий промежуток времени, когда город был богат. Но еще до того, как собор достроили, эти времена прошли, и колокольню так и не закончили.

Дома почтительно располагались вокруг. Некоторые, особенно старые, даже слегка наклоняли головы. Перед центральным порталом собора они расступались, образуя самую большую и красивую площадь города — Мюнстерплац.

Карл вышел на площадь и тут же почувствовал себя так, будто за ним наблюдают. Как косуля на поляне, беспомощная, беззащитная перед охотником и его ружьем. Карл улыбнулся — никогда еще он не чувствовал себя косулей. На площади запах города как будто усиливался. Согласно легенде, когда в XVII веке город был осажден, один пекарь изобрел «пудровое колесо» — выпеченный в масле калач в форме колеса со спицами, внутри которого был шоколадный крем, а снаружи — сахарная пудра. Он отнес его захватчикам, тем самым выражая волю горожан: вам пора уходить. На самом же деле эта сытная выпечка появилась только двести лет спустя, о чем свидетельствуют записи. Однако старая история продолжала жить, и люди охотно в нее верили.

Карл шагал по все тем же булыжникам соборной площади. Если на его пути возникал кто-то, он останавливался и ждал. Потом снова прибавлял шаг, желая наверстать упущенное. Путь через

площадь он рассчитал таким образом, чтобы даже в рыночные дни не встречать препятствий. Кроме того, путь пролегал как можно дальше от каждой из четырех пекарен с их калачами — он не мог больше выносить запах этой жирной горячей выпечки.

Карл свернул на улицу Бетховена. Это была даже не совсем улица, а скорее переулок, что не делало чести великому композитору. Сотрудник отдела городского планирования совершенно сознательно назвал целый ряд улиц в честь известных композиторов. Своему любимому Шуберту он посвятил самую широкую и длинную улицу.

Карл Кольхофф, сам того не зная, в этот момент оказывался в самом центре своего мира. С двух сторон его ограждали трамвайные линии, восемнадцатая и семьдесят пятая (притом что их было всего семь: так город мог чувствовать себя настоящим транспортным мегаполисом). С третьей стороны проходила северная дорожная магистраль, а с четвертой — речка. Большую часть года она выглядела довольно живописно и только весной позволяла себе небольшое наводнение. Как будто молодой левенок, который время от времени рычит, невзирая на не окрепшие еще голосовые связки.

Сегодня прогулка привела Карла в переулок Сальери, к Кристиану фон Гогенешу. Его особняк из темного камня стоял немного в отдалении, из-за чего прохожие не замечали, каким он был

величественным. Особняк склонялся в реверансе, как скромный черный лебедь, готовый расправить крылья. Сразу за домом располагался прямоугольный парк с огромными дубами. В парке стояли три скамейки — в любое время дня Кристиан фон Гогенеш мог читать при свете солнечных лучей.

Карл знал, что Гогенеш очень богат, но не знал, был ли тот богатейшим жителем города. Никто этого не знал, даже сам Гогенеш. Он попросту не сравнивал себя с другими. Его семья сколотила свое состояние много поколений назад на речной торговле кожаной продукцией. Им удалось не потерять это состояние, когда настало время индустриализации, так что теперь Кристиан фон Гогенеш мог не работать, ведь его акции и вклады работали за него. Сам он только следил за своими активами. Раз в день домработница приходила готовить для него и убирать в жилых комнатах, раз в неделю приходил садовник — чтобы солнечный свет по-прежнему находил путь к книжным страницам сквозь листву, раз в месяц — дворник. И с понедельника по пятницу приходил Карл. Он приносил с собой новую книгу, которую Кристиан фон Гогенеш обычно успевал прочитать до следующего дня. Насколько Карлу было известно, пределы своей империи Гогенеш не покидал уже много лет.

Карл позвонил, дернув за медный язычок, и откуда-то из глубины дома раздался звук колокольчика. Как и всегда, хозяину дома потребовалось

немало времени, чтобы пройти через длинный темный коридор и слегка приоткрыть тяжелую, скрипящую деревянную дверь. Гогенеш никогда не покидал порога. Это был красивый темноволосый мужчина, высокий, с благородными скулами, характерным подбородком и весь словно усыпанный серой пылью грусти. Он всегда носил темно-синий двубортный пиджак со свежей белой орхидеей на лацкане. Черные кожаные туфли сияли, как будто он собирался на венский бал. Гогенеш был гораздо моложе, чем можно было бы подумать, глядя на его одежду. Сейчас ему было тридцать семь лет. Тем не менее он носил костюмы с ранней юности, так что теперь они выглядели на нем не менее естественно, чем на ком-то другом джинсы.

— Господин Кольхофф, вы припозднились. Мы договаривались на четверть восьмого, — сказал Гогенеш вместо приветствия. Карл, как и должно, склонил голову, а потом аккуратно достал из рюкзака книгу:

— Вот, новый роман для вас.

Он слегка потянул за петлю шнурка. В дороге шнурок совсем закрутился, и нужно было его выпрямить.

— Это тот, что вы мне посоветовали? И я надеюсь, не зря, — Гогенеш взял книгу, но разворачивать бумагу не стал. Это был роман о том, как Александр Великий учился у Аристотеля. Гогенеш читал только философские произведения.

Он дал Карлу чаевые в соответствии с весом книги. Гогенеш заранее изучил вопрос и все рассчитал.

— В следующий раз приходите вовремя. Пунктуальность — вежливость королей.

— Хорошего вам вечера! До встречи.

— Да, и вам, само собой, желаю того же.

Кристиан фон Гогенеш закрыл тяжелую дверь и исчез. Особняк в тот же момент потерял свой одушевленный вид. Хозяин дома, возможно, и не прочь был бы обменяться мыслями о книгах и их авторах с Карлом, которого знал как образованного, воспитанного человека, близкого ему по духу. Но со временем Гогенеш растерял все слова для приглашений. Должно быть, они затерялись в многочисленных комнатах его большого особняка.

* * *

Карл покинул Кристиана Гогенеша. На самом же деле покидал Карл не его, а кое-кого другого. Дело в том, что в реальном мире Карл видел отражения книг. Для него жителями города были герои романов — даже действие происходило в совершенно другие времена и в других странах. С того самого момента, когда Кристиан фон Гогенеш впервые открыл тяжелую дверь своего особняка, он стал для Карла героем великого романа Джейн Остин «Гордость и предубеждение».

Поэтому сейчас Карл покидал усадьбу Пемберли в Дербишире XVII века. Ее владелец, Фицуильям

Дарси, богатый и образованный джентльмен, несмотря на безупречные манеры, казался порой немного высокомерным и черствым.

Причина особой способности Карла состояла в том, что он плохо запоминал имена. Если, конечно, они не принадлежали книжным героям. Это началось еще со школы. Многим учителям тогда давали прозвища, в большинстве случаев не особо приятные: Туалетная Швабра, Принц Морфий, Плевок. Карл же присваивал им совсем другие имена: Одиссей, Тристан или, например, Гулливер. Но и после школы, в отличие от одноклассников, он не перестал давать людям прозвища.

Так, юный панк в потрепанной униформе, которого он встречал по дороге в книжный магазин, получил имя бравого солдата Швейка. Продавщица фруктовой лавки, у которой он покупал яблоки, — королевы-мачехи из «Белоснежки» (к счастью, она не имела привычки добавлять яд во фрукты со своего прилавка). В какой-то момент Карл обнаружил, что весь город полон литературных героев и у каждого жителя есть книжный двойник. В следующие несколько лет ему довелось познакомиться с Шерлоком Холмсом, который руководил убойным отделом городской полиции, и даже с леди Чаттерлей, которая частенько открывала дверь в тонком кимоно и в которую он по молодости был влюблен. Правда, спустя какое-то время она уехала из города с Адсоном из Мелька. Капитан Ахав был одержим

гигантским кротом в своем саду — одержать верх над ним ему так и не удалось. Вальтеру Фаберу, тяжелобольному инженеру, Карл до самой смерти приносил книги о Южной Америке. А граф Монте-Кристо жил в доме с решетчатыми окнами, который некогда был тюрьмой и теперь странным образом удерживал нового владельца в своих стенах.

Почти всегда Карл запоминал сначала литературное прозвище и только потом — настоящее имя, как будто память старалась оградить его от лишней информации. С того момента как он подбирал человеку новое литературное имя, он совершенно переставал воспринимать настоящее. Карл совсем не замечал, как по пути от глазной сетчатки к сознанию буквы, образующие, например, «Кристиана фон Гогенеша», чудесным образом складывались в «мистера Дарси». Лишь иногда, в особых случаях, его голова могла смилостивиться и выдать ему мирское имя человека. Большую же часть имен Карлу не приходилось вспоминать вовсе.

Извилистые переулки привели Карла к литературной героине с судьбой куда более мрачной, чем у счастливо женатого британского джентльмена. Покупательница ждала за закрытой дверью и через глазок следила за редкими прохожими в переулке. Здесь никто не бродил и никто не восхищался архитектурой — все красивые здания были в нескольких кварталах отсюда. В этой части старого города люди двигались быстро, не в силах

выдержать гнетущей узости, постоянно чувствуя, как крыши домов смыкаются над головой, заслоняя дневной свет.

Хрупкая юная девушка, которая стояла у дверного глазка, точно знала, в какое время должен прийти Карл Кольхофф. Она знала и то, что стоять и смотреть в глазок в течение долгих минут — глупо, и куда лучше подождать дверного звонка в гостиной. Но она не могла удержаться. Андреа Креммен убрала светлый локон за ухо и одернула платье.

Еще с тех пор как ее отдали в детский сад, она всегда и везде была самой красивой. Это принесло ей много любви, но вместе с ней — немало зависти. А еще — ранний брак с сотрудником страховой службы по имени Маттиас. Он работал допоздна, работал в выходные, чтобы их дела шли в гору. Сама Андреа была квалифицированной медсестрой, но теперь работала на полставки стажером в небольшой семейной клинике. Она сидела в приемной, потому что ее вид радовал и успокаивал пациентов. Никому никогда не приходилось напоминать ей, что нужно улыбаться — улыбка была естественным следствием ее красоты. Тех, кто красив и не улыбается, считают высокомерными. Поэтому она улыбалась целыми днями.

Она никогда не позволяла себе выглядеть хуже, чем идеально. Кто знает, что могло бы случиться, допусти она такое. Что увидели бы в ней окружающие? Что вообще возможно было в ней увидеть?

Карл Кольхофф производил впечатление человека, которому можно было показаться без улыбки. Он бы тогда нашел подходящие слова, чтобы описать то, что увидит. Андреа казалось, что он выбирал слова точно так, как парфюмер выбирал бы ингредиенты для дорогих духов. Она перестала улыбаться и выправила из-за уха прядь. Теперь ее прическа не была идеальной.

Но как только Карл Кольхофф показался в переулке, она быстро снова убрала прядку за ухо.

Карл нажал на дверной звонок и ждал. Андреа Креммен обычно требовалось время, чтобы подойти к двери, и она всегда была слегка запыхавшейся. Тем не менее на ее лице неизменно была радостная улыбка.

Карл услышал, как в замке беспокойно повернулся ключ. Дверь открылась.

— Господин Кольхофф, вы сегодня рано! Я вас совсем не ждала. Я, должно быть, выгляжу совсем неважно.

Она пригладила свою и без того прекрасную прическу, которая идеально подходила к элегантному платью с красными розами.

Карл считал ее прекрасной, и все-таки взгляд Андреа всегда немного его расстраивал. За ее красотой скрывалось что-то, чего он никак не мог понять. И это что-то было связано с тем, что он вынимал сейчас из своего рюкзака. Это была одна из книг, которые Андреа Креммен так сильно любила. С весом

книги все было в порядке (Карлу нравилось, когда книги не были легкими, как плитка шоколада, и не были тяжелыми, как литр молока). Его куда больше беспокоило, насколько весомым было содержание.

— Хорошая? — спросила его Андреа Креммен и потянула за ленточку на упаковке.

— Насколько я слышал, «Роза в тени» ничуть не уступает другими книгам этой писательницы.

— Достаточно драматичная?

Теперь уже улыбался Карл. Каждая книга, которую он ей приносил, была драматичной и обязательно заканчивалась трагично. Когда-то он пытался советовать ей книги со счастливым концом — ни одна из них ей не понравилась. Слишком уж далеко от правды, считала она.

Андреа Креммен любила романы, героини которых страдали и в конце умирали или оставались несчастны и одиноки. Открытые финалы тоже подходили — правда, только тогда, когда они допускали какой-нибудь из этих вариантов.

— Как всегда, я не буду ничего вам рассказывать, — сказал Карл. — Понравился вам прошлый роман?

Андреа Креммен глубоко вздохнула и покачала головой.

— Он был такой грустный! Почему же вы меня не предупредили? — ее личико игриво вытянулось.

— Что вы, я бы не посмел.

Раньше Карл упаковывал ее книги в праздничную упаковочную бумагу. Но он чувствовал в этом что-то неискреннее.

— Вы принесете мне еще одну на следующей неделе? Я слышала об одном романе, в нем все время ночь, потому что действие происходит зимой в Гренландии. А главная героиня только недавно потеряла ребенка... Вы знаете такой? Мне кажется, звучит очень даже неплохо.

Карл знал, что это была за книга. Он хотел бы, чтобы Андреа Креммен не слышала про нее.

— Я вам ее принесу. — Карл не стал говорить «с удовольствием принесу», потому что никакого удовольствия не испытывал.

— Можете ли вы посоветовать что-нибудь еще?

— Есть совсем новый детективный роман, действие разворачивается в нашем городе. Я его еще не читал, но, должно быть, он смешной.

Андреа Креммен махнула рукой:

— Вы считаете, мне бы понравилась эта книга?

Карл считал своим долгом не лгать. Как только человек выпускает в свой мир ложь, ее уже не поймать и не запретить обратно.

— Нет.

— Мне тоже так кажется.

— Но она могла бы заставить вас улыбнуться. А у вас, надеюсь, это не прозвучит слишком фамильярно, совершенно прекрасная улыбка. Знаете,

когда-то Чарли Чаплин сказал, что каждый день без смеха — напрасно прожитый день. А у нас и без того слишком мало дней в этой жизни, чтобы тратить их впустую.

Такого он никогда еще ей не говорил. Возможно, сегодня ее печаль показалась ему сильнее, чем обычно? Этого Карл не знал. Иногда его рот произносил то, о чем голова и не подозревала.

Андреа Креммен больше не улыбалась. Вместо этого ее нижняя губа слегка задрожала.

— Что ж, вы только что спасли мой день. Спасибо вам за это!

Сказав это, она быстро закрыла дверь.

Для Карла это была не Андреа. Дверь перед ним захлопнула Эффи Брист, такая печальная и так рано ставшая женой. Чья судьба была так же трагична, как судьбы множества женщин, о которых читала Андреа Креммен. Карлу хотелось сделать для нее больше, чем просто приносить книги. Они лишь доказывали, что другие тоже страдают, но не объясняли, как положить конец этим страданиям.

Андреа Креммен за дверью сдерживала слезы. Она рассказала бы ему, что произошло сегодня, рассказала бы с радостью. Но тогда ей пришлось бы снова это пережить, чего она совсем не хотела. Дрожащими руками она развернула упаковку и тут же, в коридоре, начала читать.

На первой странице кто-то покончил с собой.

Сделав пару шагов, Карл услышал негромкое шуршание. Он посмотрел вниз. На него, задрав мордочку, смотрел тощий трехногий кот. Его шерстка промокла, а уши были потрепаны множеством битв. Карл не знал, кошка это или кот. Он не знал, где дом зверя и есть ли у него вообще дом. Зато он знал, что они хорошие друзья. У других были домашние животные, у Карла было прогулочное животное.

— Привет, Пес! — сказал он и улыбнулся. Он дал кошке такое имя, потому что ему соответствовали ее повадки. Она ко всему принюхивалась и помечала свою территорию. Когда Карл ходил к покупателям, Пес никогда не садился рядом — он ложился. Он мог лежать всегда и на чем угодно, даже на самых узких лестничных перилах.

Пес потерялся о брюки Карла, а потом побежал вперед, нетерпеливо оглядываясь. Умное животное, казалось, знало наверняка, что с третьей книгой будет и еда. В четырех кварталах, на станции Элизенбруннен, жила одна немолодая дама. В противоположность Эффи Брист она была всегда очень веселой и одевалась пестро. Часто она надевала два разных носка или разные ботинки либо накидывала брюки на плечи. В ее квартире вещи и мебель громоздились горными грядами, между которыми пролегли долины и узкие ущелья. Эта старая женщина напоминала Карлу героиню детской книжки — сумасшедшую девочку, которая

сумела сделать мир таким, каким он нравился ей. Только вот пожилая девочка никогда не покидала свой маленький мир. Ее пугало открытое небо.

Это случилось чуть больше семи лет назад, в чудесный летний день, который она провела со своим мужем в саду, в тени орехового дерева. Началась гроза. Она наступала с дождем, с ураганом, со всей разрушительной мощью. Уже из дома они заметили, что по глупости оставили на улице мусорные баки — соседи непременно пожаловались бы на это. Поэтому ее муж вышел наружу, в шторм, хотя она и старалась его остановить. Это быстро, говорил он. Туда — и сразу же обратно. Да и что могло случиться? Плитка с их собственной крыши оторвалась. Ветер превратил плитку в снаряд, противостоять которому его голова не могла.

С тех пор ей не было никакого дела до того, что подумают соседи, и она больше не выходила под открытое небо.

Открывая дверь, она не говорила: «Добрый день, господин Кольхофф», «Здравствуйте» или «Рада вас видеть». Она говорила: «Полная пряжа», «Продержанные автомобили» или «Пощение». Когда он позвонил в дверь в этот раз, она открыла, широко улыбаясь: «Саморелягушация».

Теперь Карлу предстояло найти правдоподобное объяснение этого слова. «Саморелягушация — это путь к познанию того, что составляет

сердцевину тебя самого. Этот термин происходит из “Сказки о Короле-лягушонке, или о Железном Генрихе”. Той самой, которая стоит в первом ряду “Детских и семейных сказок” братьев Гримм. В основе этой концепции лежит гипотеза о том, что у каждого внутри есть лягушка, которой предстоит превратиться в блистательного принца с помощью любви (в сказках — поцелуя). Впервые этот термин был использован в 1923 году в работе Зигмунда Фрейда “Я” и “Оно”».

В качестве вознаграждения за догадку госпожа Длинныйчулок выдала ему вишневый леденец. Как-то раз его объяснения не показались ей такими же убедительными — тогда она вручила ему леденец с лимонным вкусом. Взамен Карл выдавал ей книгу, которую она заказывала. На упаковке книги он всегда рисовал большой красный цветок.

Госпожа Длинныйчулок читала всё. От классических приключенческих романов и научной фантастики до юмористических книг. Все, что читалось увлекательно и легко, но не углублялось в суть фактов.

«Послезавтра у меня будет для вас новое слово, — сказала она перед тем, как закрыть дверь, — настоящий крепкий орешек, а не слово». После этого она наклонилась к Псу и достала из кармана брюк что-то, что тот немедленно проглотил.

Хотя рюкзак уже опустел, Карлу нужно было зайти еще к одному покупателю. Каждый визит

к нему был очень приятным событием, потому что у покупателя был самый теплый баритон из всех, какие Карлу доводилось слышать. Если бы можно было голос постелить на диван, стоило бы непременно выбрать для этой цели голос этого человека. Для Карла он был Чтецом — героем романа Бернарда Шлинка. В этом романе юный Михаэль Берг читал вслух своей возлюбленной — женщине, на двадцать лет его старше. Правда, на самом деле его покупатель читал перед работницами на сигаретной фабрике. Она была основана всего несколько лет назад и оставалась единственной на всю страну. Там могли себе позволить собственного чтеца, который бы в рабочие часы читал книги вслух, как принято на Кубе. Все это было, конечно, маркетинговой уловкой, так что платили Чтецу мало. Но он настолько любил свою работу, что постоянно наматывал на шею шарф, чтобы держать голосовые связки в тепле. За пределами сигаретной фабрики Чтец практически не говорил, чтобы беречь голос. Вот почему Карл не был сильно удивлен, когда он позвонил ему лично и попросил принести пастилки для горла из аптеки у книжного магазина. Сам Чтец на улицу выходить не хотел — по городу как раз шла волна гриппа. Наверное, по этой же причине в этот раз Чтец лишь слегка приоткрыл дверь. Получив свой пакет с пастилками, он одарил Карла благодарной улыбкой и щедрыми чаевыми (принимать которые тот не хотел,

зная, что Чтец не особенно богат). Он достал одну пастилку из упаковки, перед тем как закрыл дверь своей квартирki под самой крышей простенького многоквартирного дома. При его строительстве сохранилось то, что придавало зданию хоть немного красоты и уюта, — небольшая ферма¹ в виде клеток, где держали кур.

* * *

Карл всегда огорчался, когда рюкзак становился пустым. Это значило, что пора возвращаться домой. Не то чтобы ему не нравился его дом, но Пес никогда не следовал за ним туда, а за дверью никто не ждал, что он придет, чтобы погладить и приласкать.

Последний отрезок пути пролегал через центральное кладбище. На Карла оно действовало умиротворяюще. Мысль о том, что здесь закончится однажды его путь, была лишь в последнюю очередь пугающей. Он думал еще и о том, какое кладбище красивое. Ему было по меньшей мере лет двести. Статуя Жнеца с костяным черепом, возвышавшаяся в центре, улыбалась так, будто знала что-то неведомое.

На табличке у дверного звонка Карла значилось «Э. Т. А. Кольхофф». Это была ложь, хотя и только

---

¹ Ферма — вид конструкций в современном строительстве; стержневая система, остающаяся геометрически неизменяемой после замены ее жестких узлов шарнирными. *Прим. ред.*

наполовину, ведь фамилия все-таки была верной. Он всегда восхищался писателем Гоффманом из-за его инициалов. У кого еще могли быть все три буквы? Д. Р. Р. Толкин, в музыке — К. Ф. Э. Бах. Было что-то особенное в тройных инициалах. Между ними можно уместить многое. Как будто за ними пряталась тайна, а вместе с ней — ответ на вопрос, почему их владелец не написал ни одного из имен.

Иногда его письма возвращались к отправителям: новый почтальон не знал, что за этими буквами прячется Карл. И все-таки он не менял табличку с именем. Теперь ему уже семьдесят два и он не получает так уж много писем. Да и если бы он это сделал, табличка больше не была бы поводом для радости, хотя и облегчила бы работу службе доставки.

В его квартире было слишком много комнат. Четыре плюс небольшая кухня, ванная комната без окон и такой же туалет. Иногда они казались ему садом, в котором ничего не выросло. Две комнаты предназначались для детей. Одна из них, с окнами в зеленый двор, должна была стать комнатой для девочки. В другой, из окна которой выходили на улицу с проезжающими машинами, жил бы сын. Он так и не нашел женщину, с которой завел бы детей, но квартиру менять не стал. За все эти десятилетия арендная плата ни разу не повышалась. Наверное, потому, что о ней забыли.

Он жил здесь со своей бумажной семьей, которую старательно защищал от света и пыли

стеклянными витринами. Книги постоянно требовали, чтобы их читали. Так, как драгоценности хотят, чтобы их носили, или, точнее, так, как животные хотят, чтобы их ласкали и любили. Иногда Карлу казалось, что все эти слова были заперты в клетках. Он знал, что все эти годы просто пробежался по ним глазами.

Карл понимал людей, которые собирали книги, как иные собирают марки. Которым нравилось любоваться корешками и чувствовать, что в книгах были люди, с которыми их связывали общие судьбы. Которые собирали книги вокруг себя, как будто жили в одной квартире с хорошими друзьями.

Он повесил свою зеленую куртку на крючок за дверь, рядом с ней — рюкзак и поправил их. Затем он пошел на небольшую кухню, чтобы на столе из каленого стекла намазать черный хлеб маслом, посыпать его солью, выпить стакан рассола от квашеной капусты, а после съесть зеленое яблоко, разрезанное на четвертинки.

Квартира в свое время продавалась как «квартира с балконом». На самом же деле «балкон» представлял собой чугунную балюстраду перед двустворчатой стеклянной дверью. Рядом с ней стояло вольтеровское кресло, на котором лежала книга с кассовым чеком вместо закладки. С этого места можно было наблюдать за старым городом, чем Карл и занимался сейчас. Ему хотелось увидеть, ходят ли там его покупатели или прыгает ли

по крышам Пес, хотя обычно он так не делал. Карл всегда считал до десяти, умывался и шел спать. Он натягивал на себя одеяло, зная, что на следующее утро мог снова нести несколько совершенно особенных книг своим совершенно особенным покупателям.